

Виктор Старостенко,
кандидат философских наук, профессор
Могилевский государственный университет (Беларусь)

АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Современное правовое обеспечение свободы совести в Республике Беларусь – одна из актуальных проблем отечественного религиоведения [1]. Основывается оно главным образом на Конституции и профильном Законе "О свободе совести и религиозных организациях" от 31 октября 2002 г., в целом позволяет государству осуществлять целенаправленное регулирование конфессиональных процессов [2, с. 153-190], что не исключает совершенствования правового пространства республики в данной области [3]. Это совершенствование может осуществляться с целью адекватной реализации конструкта светского государства [4; 5], расширения возможностей реализации гражданами свободы совести, устранения коллизий нормативного обеспечения данного права, и по следующим основным направлениям:

1. Изменение некоторых аспектов правового регулирования отношений, связанных с деятельностью религиозных организаций (легитимизация деятельности малых религиозных групп, введение практики уведомлений религиозных организаций о деятельности и др.). Закон 2002 г. более жестко, по сравнению с его прежней редакцией 1992 г., регламентирует создание религиозных организаций. Религиозные общины могут образовываться по инициативе не менее 20 граждан Республики Беларусь, тогда как по Закону 1992 г. "О свободе вероисповедания и религиозных организациях" было достаточно 10 человек. Данное положение Закона 2002 г. не является уникальным для европейской законодательной практики [6, с. 100, 106, 456, 521, 549, 645]. Вместе с тем высокий количественный ценз не является в Европе правилом. Данные по странам ОБСЕ показывают, что в большинстве этих государств для регистрации общины требуется минимальное членство в 10 или менее человек [7, с. 349]. В странах – соседях Беларуси религиозная община учреждается не менее 10 гражданами в Украине ("Про свободу совісті та релігійні організації", ст. 14), России ("О свободе совести и о религиозных объединениях", ст. 9), Латвии ("О религиозных организациях", ст. 7), не менее 15 – в Литве ("О религиозных общинах и сообществах", ст. 11). Есть на постсоветском пространстве и другие примеры: не менее пятидесяти граждан требуется для создания религиозной общины в Казахстане ("О религиозной деятельности и религиозных объединениях", ст. 12). Возвращаясь к ситуации Беларуси, нельзя не заметить, что увеличение количественного ценза практически не сказалось на численности общин в республике, которые, по требованию Закона 2002 г., в период 2002-2004 гг. успешно прошли перерегистрацию.

Но главная проблема увеличения в 2002 г. количественного ценза для регистрации общины состоит в том, что его результатом стало как сужение контролируемых возможностей государства в области конфессиональной жизни, так и юридическое исключение возможности легитимной деятельности малых религиозных групп, что означает ограничение свободы вероисповедания. Более того, деятельность религиозных организаций без регистрации является противоправным деянием. В этих условиях видится целесообразным ввести в правовое поле понятие "религиозная группа", деятельность которой может осуществляться на основе заявительного принципа, без прав юридического лица. Граждане, образовавшие религиозную группу с намерением в дальнейшем преобразовать ее в религиозную общину, уведомляют о ее создании и начале деятельности органы местного государственного управления. Религиозные группы имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии своих последователей.

Введение уведомлений религиозных организаций о деятельности видится целесообразным, так как позволит упростить процесс мониторинга конфессиональной ситуации со стороны органов государственного управления, будет способствовать выявлению структур, которые используют преференции, предоставляемые религиозным организациям, для ведения иной деятельности и т. п.

2. Требуют редактирования некоторые формулировки текста закона "О свободе совести и религиозных организациях" и его преамбулы. Фиксируемые в Законе 2002 г. правовые нормы определенно указывают на светский характер государства, но данного буквального определения Закон не содержит. Данный недостаток может быть исправлен дополнением в статью 8 "Государство и религия": "Республика Беларусь – светское государство. Религиозные организации отделены от государства. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной".

Пояснения некоторых терминов, приводимые в статье 3 Закона, нуждаются в уточнении. В частности, в современной редакции данной статьи под понятие "богослужение" подпадают таинства, что не соответствует религиозной традиции. Вероисповедание трактуется лишь как "вероучение", к тому же принадлежащее религии с "традиционной культовой практикой", и др.

Важно также устранить разночтение между конституционным и законодательным определением свободы совести. Трактовка в Законе "права на свободу совести" (статья 4) противоречит статье 31 Конституции. Конституционная норма предусматривает не только право "самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой" (идентично в статье 4 Закона и статье 31 Конституции), но и "выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии". Иначе говоря, с формальной точки зрения Закон 2002 г. ограничивает права граждан на выражение и распространение атеистических убеждений, то есть сужает содержание свободы совести.

Преамбула Закона 2002 г. содержит положение о признании "определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа", о "духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси" и "неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама". Преамбула, согласно законодательству Республики Беларусь, не имеет нормативного характера, однако содержащееся в ней ранжирование религиозных организаций, с акцентом на Православную церковь, оказало влияние на разработку ряда ведомственных документов различных органов государственного управления.

Кроме того, преамбула Закона 2002 г. в одном смысловом ряду перечисляет как религиозные организации (Православная церковь, Католическая церковь, Евангелическо-лютеранская церковь), так и религии (иудаизм, ислам), что с религиоведческой точки зрения некорректно. Утверждение об "определяющей" роли Православной церкви "в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа" не выдерживает серьезной критики. Так, с позиций историко-философской науки не оправданно сводить многообразие духовной культуры (и традиций) белорусского народа к религиозности, тем более к деятельности какой-либо одной конфессии. С позиций исторической науки невозможно согласиться с тем, что Православная церковь определяла государственные традиции белорусского народа, поскольку на протяжении значительной части истории Беларуси являлась своего рода "терпимым" вероисповеданием при государственном статусе римо-католицизма (период ВКЛ, Речи Посполитой), а в период советской истории влияние всех религий и церквей не только на государственную, но и на общественную жизнь в целом было минимизировано. Тем самым преамбула Закона "О свободе совести и религиозных организациях" в силу противоречивости и неадекватности ряда своих формулировок требует редактирования. Оптимальное редактирование данной части преамбулы видится в удалении ссылок на конкретные конфессии и замене фрагмента от "признания определяющей роли Православной церкви..." до "... и ислама" на формулировку "уважения религиозного наследия и традиций свободомыслия в развитии духовной культуры Беларуси".

Среди других не вполне корректных концептов Закона 2002 г. обращает на себя внимание неоднократно используемая формулировка "свобода совести и свобода вероисповедания". Свобода совести в ее понятийной полноте включает в себя и свободу вероисповедания (свободу религии), и свободу атеизма, иначе говоря, свобода совести и свобода вероисповедания соотносятся между собой как система и ее элемент [8]. Следовательно, применение формулировки "свобода совести и свобода вероисповедания" понятийно-терминологически является некорректным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старостенко, В. В. Актуальные проблемы современного религиоведения в Беларуси // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого Белорусского философского конгресса / Национальная

академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 542-543.

2. Старостенко, В. В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография. Могилев: УО "МГУ им. А.А.Кулешова", 2011. 272 с.

3. Старостенко, В. В. О направлениях совершенствования законодательства о свободе совести в Республике Беларусь. *Религия и общество – 9: сборник научных статей* / под общ. ред.: В.В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев, 2015. С. 31-34.

4. Старостенко, В. В. Свобода совести и светское государство. *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2018. № 1 (51). С. 37-41.

5. Старостенко, Виктор. Светскость государства и обеспечение прав человека в области свободы совести в Республике Беларусь. "Глобалізованы свет: выпробаванні людскага буття": Міжнародна навукова-теарэтычна конференцыя, 6-7 жовтня 2017 року: [матэрыялы даповідей та выступів] / редкол. М. А. Козловець [та ін.]. Житомир: Вид-во Євенок О.О., 2017. С. 42-45.

6. Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений) / Сост. Г. Робберс. Москва: Институт Европы РАН, 2009. 719 с.

7. Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / Под ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма и Б.Тахзиб-Ли. Москва: Институт религии и права, 2010. 744 с.

8. Старостенко, В. В. О структурировании понятия свободы совести. Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 октября 2017 г.). Доклады / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2018. С. 551-555.